

СПЕЦНАЗ ГРУ

ЗАСАДА НА ПРИЗРАКА

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Засада на призрака

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Засада на призрака / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2023 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-188152-8

Убита генерал-майор юстиции Алла Курносенко. Она вела следствие по делу наркоторговцев. Орудие убийства не совсем обычное – биатлонная винтовка. Убийца явно хочет подставить дочь погибшей, ведь та профессионально занимается биатлоном. Подполковник спецназа ГРУ Вилен Бармалеев берет спортсменку под свою защиту, одновременно пытаясь закончить дело, начатое погибшим прокурором. Он готовит наркодиллерам ловушку, намереваясь взять их с поличным. К удивлению спецназовца, в западню попадают те, кого Бармалеев даже не подозревал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188152-8

© Самаров С. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Самаров

Засада на призрака

© Самаров С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

– Я хотел бы поговорить с генерал-полковником Сумароковым, – вежливо сказал в динамике мобильного телефона голос, которого генерал раньше никогда не слышал. Он вообще решил было, что ему звонит какой-то компьютерный робот с очередной рекламой, настолько голос казался механическим.

– Я – Сумароков. Слушаю вас внимательно, – на всякий случай ответил генерал. Обычно роботы на такие фразы просто не реагируют, а то и просто перебивают человека – поговаривают, что искусственный интеллект сложно научить ждать.

– Это хорошо, что ты внимательно слушаешь. Внимание тебе сейчас просто необходимо, – голос резко изменился и стал наглым.

Генерал почувствовал в голосе недоброе, в чем-то даже угрожающие нотки и решил ответить привычным и соответствующим его должности образом.

– Я вообще-то привык, чтобы мое звание уважали и разговаривали со мной на «вы». В противном случае я просто отключу телефон, предупреждаю.

– Это не в твоих интересах. Сам должен понимать. Я тебя уговаривать не намерен.

– А интересы я привык сам себе выбирать, – резко сказал Сумароков.

– Короче говоря, слушай сюда, генерал. Я повторять не люблю.

– Слушаю, – ответил Сумароков скорее всего из простого любопытства, чем от желания понять, что от него хотят.

– Сегодня тебе принесут мешок – это якобы твоя посылка домой. Мешок, не заглядывая в него, ты прощешь, а шнур опечатаешь своей металлической печатью и отправишь ближайшим самолетом. И домой не забудь... Не забудьте, – усмехнулся звонивший, видимо, подумав, что генерал-полковник свое обещание выполнит и отключит телефон. – И домой не забудьте позвонить, предупредите, чтобы мешок не трогали, за ним придут нужные люди. И заберут. Вы за это получите двести тысяч баксов. Семья получит. Сразу же. В обмен на мешок. Но это, я прошу заранее учесть, только первая такая выплата. В дальнейшем вы будете получать по сто тысяч в той же валюте...

– А если я откажусь? – последовал вопрос.

Звонивший издевательски засмеялся:

– Какой человек в здравом уме откажется от такой суммы! – И тут же перешел на серьезный тон: – В случае отказа я вам просто не завидую, скажу честно. Вас ждут большие неприятности.

Запугать генерал-полковника пытались много раз, но дальше угроз дело так ни разу и не пошло. Не испугался он и сейчас и сказал свое категоричное нет!

– Как хотите, я предупреждал... – Человек уговаривать генерала не стал и от разговора отключился, а Сумароков подумал о том, что слегка поторопился. Следовало бы ему как-то изловчиться, позвонить с другого номера телефона и сообщить в сирийские правоохранительные органы о предложении. Пусть они принимают меры.

* * *

– Вот и все. Он попросту отказался! – сказал первый, человек в синем рабочем комбинезоне и в оранжевой строительной каске на голове. – Я же предупреждал, что он человек несговорчивый...

– Дурак он просто, а не несговорчивый человек, – заметил второй, одетый, как и первый, в строительный комбинезон. – От таких денег отказался. И ведь риска никакого. Его личные

грузы никто проверять не будет. Он здесь – человек номер один. Загадка, почему он отказался. Кто вообще от таких денег отказывается, когда они сами плывут тебе в руки. Может, желает все сам хапнуть?

– Тогда бы согласился для вида. Он просто упертый! И вся загадка в этом. – Первый откровенно злился, что пошел у второго на поводу и решился на этот рискованный шаг. Знал же, кому предложение делает, но громадная сумма денег сыграла свою роль. – И как нам теперь быть, что с ним теперь делать?

– Выход только один... – решительно сказал второй и махнул рукой, словно топором что-то отсекая. Второй был крупным лысым мужчиной, лет сорока пяти, резкость в поступках была ему свойственна.

Первый же был ниже его и моложе лет на пять и в отличие от второго имел темные кудрявые волосы, которые спускались из-под каски на плечи. В комнате находились еще двое людей в рабочих комбинезонах. Они сидели на кровати, ожидая решения старших товарищей.

– Придется... Пока он сам не поторопился и не сдал нас... – согласился первый и оценивающе посмотрел на двоих сидящих.

– Сколько это будет стоить? – откровенно спросил один из них, поняв, что от них требуется.

Первый посмотрел на второго, ожидая его слова.

– Восемьдесят плюс пятьдесят тому, кто сделает дело, – сказал второй.

– А если вдвоем сделаем? – последовал вопрос. – Как понять, какой выстрел дело сделал?

– Тогда поделите пятьдесят на двоих, – решил второй.

– Это нечестно. Каждому по пятьдесят... Рискует-то каждый. Причем отнюдь не жизнью соседа.

– Ладно, пусть будет так, – внезапно согласился второй, разыгрывая щедрого человека, но надеясь, что или оба, или хотя бы один из киллеров погибнет при попытке перехода линии фронта. Хотя, в принципе, в этом им можно и помочь с помощью купленного снайпера.

Пойти на крайние меры и обратиться напрямую к генералу их вынудили обстоятельства. Самолет, которым они обычно пользовались, был обыскан Российским бюро Интерпола во время посадки в аэропорту Внуково, мешок с грузом конфискован, а экипаж самолета задержан «до выяснения». Был задержан весь экипаж самолета, хотя первый поддерживал связь только с бортмехаником, который груз и перевозил на свой страх и риск в технике, подлежащей ремонту. Но факт остался фактом – канал поставки был провален, а в Москве очень ждали очередную поставку – на сей раз большую, которую провалить было никак нельзя, поскольку за нее уже получили деньги. И именно тогда в голове второго возник план по задействованию генерала Сумарокова и его ликвидации в случае отказа в содействии переброски груза. Но на отказ второй не рассчитывал. Слишком велика была сумма вознаграждения, чтобы от нее отказаться вот так вот просто. Ведь стоило один раз рискнуть, и можно было обеспечить себе, жене и дочери безбедное существование на долгие годы. А потом уже можно и отказаться от продолжения сотрудничества. Именно такой вариант предложения высказывал второй, однако первый сразу, даже не посоветовавшись, предложил Сумарокову длительное сотрудничество.

Но генерал-полковник отказался не раздумывая, что, с одной стороны, было неплохо, поскольку генерал имел бы возможность за время раздумья сообщить компетентным органам о поступившем предложении. Но, с другой стороны, риск здесь присутствовал, хотя и минимальный, поскольку аппаратура, установленная в генеральском кабинете, должна была бы предупредить наркодельцов о попытке сдать их.

Однако генерал отказался и теперь подлежал ликвидации, так как узнал чужую тайну. И двум людям в рабочей одежде было предложено ее провести, после чего эти люди должны были на предельной скорости умчаться на машине на позиции «бармалеев», где их должны были бы после убийства командующего принять с распростертыми объятиями...

Глава первая

Получив сообщение от старшего лейтенанта Соловейчикова, подполковник Бармалеев извинился перед капитаном Труфановым, объяснил ему ситуацию, и капитан, кажется, даже не обиделся на то, что и комбат его покидает так же быстро, как и другие. По крайней мере, руку на прощание подполковнику подал. Капитану сделали протез вместо ампутированной по голень ноги, но протез пока еще ногу натирал, и Труфанов остерегался его носить постоянно.

В последнее время среди мехводов¹ пошла мода трогаться с места сразу на второй скорости, слышал Бармалеев. Сам он на парковке перед госпиталем тронулся даже с третьей передачи, удивился при этом, как не заглох у него двигатель, но при этом подумал и о том, что сообщать мехводу об этом случае нельзя – тот сам начнет пробовать и обязательно сломает коробку передач, такой характер у мехвода с редкой фамилией Миша. Он все пытается сам испытать и испытать.

Дорога до штаба объединенных сил в Сирии, расположившегося в здании бывшего аэропорта имени Басиля Асада², пролегла рядом со штабом южной группировки, которую возглавлял полковник Прохоров. Прямо напротив землянки, в которой кабинет полковника и размещался, откуда-то взялся регулировщик движения в форме российской военной автомобильной полиции, которой военная автоинспекция и подчинялась. Регулировщик флажком-жезлом приказал подполковнику остановиться, что послушный водитель подполковник Бармалеев и сделал, наблюдая при этом, как неторопливо, вразвалочку приближается к нему старший лейтенант с повязкой «ВАИ»³ на рукаве. Причем повязка находилась не на локте, где ей быть полагается, а на запястье. В другое бы время и в другой обстановке подполковник обязательно сделал бы старшему лейтенанту замечание, но сейчас было не до того.

– Скорость превышаем... – глядя куда-то в сторону штаба, сказал старший лейтенант. – Документы, будьте добры, предоставить... – голос у него был слащавым, говорил он с ленцой и нахально. Старлей чувствовал себя в праве...

Бармалеев достал документы на бронетранспортер, свое водительское удостоверение и протянул через открытый только что люк. Закрывать во время движения люк он начал совсем недавно, после того как бронетранспортер попал в засаду вражеской РДГ⁴. Тем более делал это, когда ехал один или дорога была сильно пыльной, как сейчас.

Что касается превышения скорости, то тут вопрос был спорный. Конечно, показания спидометра говорили, что скорость подполковник слегка превысил, но не намного. А в руках старшего лейтенанта не было радара, измеряющего скорость. И Бармалеев легко мог бы оспорить показания военного автоинспектора, полагающегося, судя по всему, на свой глаз. Но спорить подполковник не хотел. Не то было настроение...

– Можно побыстрее шевелиться. Я очень спешу... – только и сказал он.

– Все спешат. Не торопись на тот свет – там девочек нет, – изрек инспектор с умным видом.

– Дурак! – вспылil подполковник. – Я в объединенный штаб еду. Там произошло покушение на генерал-полковника Сумарокова. Меня сам генерал разыскивает.

---

¹ **Мехвод** – в армейском жаргоне так обычно называют механиков-водителей бронетранспортеров или боевых машин пехоты.

² **Басиль Асад** – старший брат нынешнего президента Сирии, пользовался любовью народа, погиб в ДТП в 1994 году.

³ **ВАИ** – военная автоинспекция.

⁴ **РДГ** – разведывательно-диверсионная группа.

Старший лейтенант наконец-то добрался до водительского удостоверения, обратил, видимо, внимание на подполковничьи погоны и заглянул в люк, чтобы удостовериться, что его не какой-нибудь младший сержант «дураком» называет.

– Извините, товарищ подполковник. Я ничего не знал о покушении, – старший лейтенант протянул документы через люк. А подполковник взял их и сунул за солнцезащитный козырек.

– Счастливого пути, – козырнул инспектор.

Бармалеев тем временем снова вдавил педаль акселератора в пол бэтээра, обдав старшего лейтенанта облаком пыли из песочно-земляной насыпной дороги и облаком же темной гари солярки, и умчался.

* * *

А из землянки, где располагался кабинет полковника Прохорова тем временем вышли два полковника в общевоинской форме и майор в форме ВДВ. Всю грудь майора украшали ордена и медали, а сам он сильно хромотал, опираясь при ходьбе на тросточку. При этом он, как обычно, ругал и саму Сирию, и «бармалеев», и осколки артиллерийского снаряда, что надолго превратили его, боевого офицера, в штабную крысу.

– Товарищи полковники, вы слышали что-нибудь про покушение на генерал-полковника Сумарокова? – спросил их старший лейтенант.

– Ничего не слышали, – ответил один из полковников. – А что, было покушение?

– Я точно не знаю, но я только что остановил за превышение скорости БТР. Там какой-то подполковник за рулем находился. Он мне и сообщил, что было покушение и что генерал лично его разыскивает.

– А как ты скорость без радара определял, чтобы за превышение останавливать? – спросил полковник, что был возрастом помладше. – На глазок?

– Как фамилия того подполковника? – быстро, пока старлей не успел ответить, спросил второй полковник, который был возрастом постарше.

– Запоминающаяся какая-то. Необычная. Что-то с Сирией связано.

– Бармалеев?

– Вот-вот. Точно. Бармалеев, товарищ полковник.

– Надул тебя подполковник. Пошутил он, – сказал майор ВДВ, звякнув медалями.

– Нет. Подполковник Бармалеев начисто лишен чувства юмора. Он шутить не обучен, – не согласился полковник, тот, что был возрастом постарше. Это и был сам Прохоров. – Вы идите в столовую, а я позже пообедаю. В объединенный штаб съезжу к Сумарокову. И захвачу с собой то, что мне сегодня Бармалеев дал. Приятного аппетита вам! – Прохоров похлопал себя по карману кителя, словно проверил его содержимое.

Второй полковник вместе с майором ВДВ пожали плечами и продолжили путь в сторону офицерской столовой, а Прохоров направился к недалекой парковке, где тесно стояли бронетранспортеры, и забрался в свой персональный. Мимо инспектора ВАИ он проехал не быстро, а когда догнал своих коллег, успел разогнаться и обдал полковника и майора воздушно-десантных войск облаком пыли.

– Хоть бы немного подвез, – проворчал майор, вороша дорожную пыль тросточкой.

– Торопится, – ответил второй полковник и оглянулся – нет ли кого рядом. После чего добавил: – Выслужиться хочет.

* * *

Подполковник Бармалеев тем временем вынужденно сбросил скорость. Во-первых, его вынудила сделать это каменная гряда, на которую круто взбиралась дорога. А во-вторых, новый

шлем подполковника лежал на соседнем сиденье, и его гарнитура издавала призывные звуки – кто-то нервничал на связи, требуя разговора с подполковником. Сначала один человек, потом другой, у которого терпения было больше.

Надевать шлем на голову, чтобы ответить, одной рукой было неудобно – мешала повязка. Пришлось скорость сбросить до минимальной, что позволило надеть шлем без угрозы потери управления бэтэром.

– Командир, товарищ подполковник... – проговорил голос в наушниках шлема.

– Здесь я, здесь, на связи, старлей...

Из всех офицеров батальона чаще других звал подполковника просто «командиром» старший лейтенант Соловейчиков. По его обращению Бармалеев его сразу и узнал.

– Это ты?

– Я, командир. А я уж, грешным делом, подумал, что опять связь барахлит, пропали вы куда-то, – сообщил командир саперного взвода.

– А что ты хотел? – спросил Бармалеев. – Есть какие-то срочные дела?

– Полковник Скорокосов желал с вами поговорить. И для того даже забрал шлем с гарнитурой и КРУС у раненого Кичогло. Но добраться до вас не сумел. Двадцать минут, говорит, вызывал.

– Кстати, где сейчас находится Василий Младшой? В госпитале его нет.

– Ему в госпитале медсестра только перевязку сделала новую. И укол поставила, сбивающий температуру. После этого товарищ полковник Скорокосов у него шлем с КРУСом забрал, а сам Василий отдыхает у себя в блиндаже на родных нарах. Говорит, что к ним уже привык. Сам для себя делал – старался...

– Статистика нам говорит, что обычно для других стараются больше, – перебил подполковник словоохотливого старшего лейтенанта. – Просто из чувства локтя или из желания прослыть мастером на все руки...

– Нары, Кичогло говорит, совсем не те, что были по ту сторону фронта. Но мы и тот окоп заняли, кстати, и придется, видимо, Васе к другим нарам привыкать... А зачем Василий Младшой вам, товарищ подполковник? Извините уж за вопрос.

– Генерал-полковник Сумароков приказал наградить Кичогло медалью «За отвагу» и присвоить ему звание младшего сержанта. Погоны я уже купил в автолавке Военторга. Осталось только вручить и поздравить обладателя нового звания. Ну ладно, это дело будущего. А пока... Как, подскажи мне, теперь добраться до полковника Скорокосова.

– Только по общепатальонной связи.

– То есть стоять среди толпы и обсуждать секретные действия? Это учитывая то, что Скорокосов с КРУСом не дружит.

– Примерно так. Или побыстрее приехать. Или сделать вообще по-другому. Скажем, я на время даю свой КРУС полковнику вместе со шлемом, чтобы провода не переключать. Вы беседуете, потом он мне все возвращает. Это же выход? Или просто его КРУС настрою.

– Это – выход, но только в том случае, если ты до штаба раньше меня доберешься. А я – совсем рядом.

– Так я уже здесь, на втором этаже, рядом с кабинетом генерал-полковника. Так я пошел к Скорокосову?

– Если ты в карауле, я не уполномочен тебя снимать.

– Нет, я просто караул проверяю. Так я пошел?

– Давай быстро...

Минуты не прошло, как полковник Скорокосов вышел на связь.

– Здравия желаю, Валерий Николаевич, – сказал Бармалеев. – Как здоровье?

– У меня-то нормально, но вот у адъютанта Сумарокова – прямо скажем, не ахти какое. Две пули в грудь. В настоящий момент находится в госпитале, в реанимации. Он был в бро-

нежилете скрытного ношения, когда попутно выполнял обязанности телохранителя генерала. Себя не пожалел, встал между генералом и стволом автомата. Бронежилет не выдержал очереди с пяти метров. Одну пулю задержал, только пятое ребро оказалось сломанным. А две пули прошли бронежилет и вошли в грудь. Не знаю вот – выживет ли... Но капитан не зря слыл отменным стрелком. Он успел вытащить пистолет и дважды выстрелить. Первая пуля пробила киллеру бицепс на правой руке, вторая – поразила горло. Наступила моментальная смерть. Генерал-полковник во время перестрелки выхватил свой пистолет, а он тоже стрелок отличный, и его пуля угодила второму бандиту прямо в лоб. Бандитов было двое. Это рабочие, что стенку в генеральском кабинете сооружали – место для адъютанта готовили. Потому капитан на них сразу и не среагировал. Подумал – приехали свою работу проверять...

– Понятно, товарищ полковник. А что третий рабочий говорит? Тот, которого я узнал.

– Вот по поводу третьего я тебя и искал. Это полковник ФСБ Аркадий Дмитриевич Курносенко, хотя он здесь под именем какого-то сирийца работает. Предлагаю тебе его немедленно задержать. К сожалению, большой состав для задержания я тебе предоставить не могу. Но возьми с собой старшего лейтенанта Соловейчикова и еще кого-нибудь из бойцов его взвода – ты лучше меня знаешь, кого именно. А еще лучше пусть сам Соловейчиков выберет. И вперед! Ты где сейчас находишься?

– Заезжаю на парковку рядом со штабом. Тут целое Средиземное море крови. Мне даже в люк видно.

– Это кровь капитана Николаева. Вижу тебя в окно... Соловейчиков тебя встретит. Жди его в машине. Сразу гони на задержание. Задержанного тут же – ко мне. Где общежитие рабочих, ты знаешь... Только бы не опоздать, а то, боюсь, придется еще Иран просить о задержании. А потом еще и кучу документов на экстрадицию оформлять.

* * *

Старший лейтенант Соловейчиков предпочел взять с собой своего замкомвзвода старшего сержанта Якова Кренделя.

– А взвод на кого оставил? – спросил Бармалеев, привычный к тому, что старший сержант обычно остается за самого старшего лейтенанта, когда тому следует отлучиться по каким-то делам.

– У меня во взводе парни надежные. Могу любого вместо себя оставить, хоть сержанта, хоть рядового, – ответил командир саперов. – Поехали.

Общежитие рабочих занимало две крайние со стороны здания аэропорта палатки. В одной хранились инструменты и материалы, во второй – жили собственно строители. Свой бронетранспортер Бармалеев предпочел оставить на парковке, чтобы не привлекать шумом двигателя лишнего внимания строителей. От парковки до нужных палаток было две сотни шагов, пройти которые, в том числе и с пленником, труда не составляло даже в том случае, если пленник будет сопротивляться и идти самостоятельно не захочет. Не слишком сложно его и дотащить. Не велика тяжесть в этом полковнике, да и строительная каска легче боевого шлема спецназовца!..

По дороге от парковки к палаткам подполковник со старшим лейтенантом и старшим сержантом обсудили варианты задержания, составив планы «А», «В» и «С». План «А» не предусматривал никакого сопротивления. Согласно ему, если полковник Курносенко мирно протянет руки, на них наденут наручники, которые старший лейтенант Соловейчиков предусмотрительно захватил с собой. Согласно плану «В», если Курносенко попытается сопротивляться, то его вырубают два офицера спецназа военной разведки, а потом надевают на него наручники. Согласно плану «С» они будут действовать следующим образом. Если полковник предпримет попытку к бегству, то со стороны входа его не пропустят Бармалеев и Соловейчи-

ков. А если Курносенко попытается выйти сзади палатки, возможно, расплосовав ее ножом, в этом случае его там встретит старший сержант, внешне тщедушный, но способный на многое, особенно в стрельбе. Вот потому автомат Кренделя и должен стоять на взводе, и старший сержант должен быть готовым к открытию огня по ногам.

Проблемы вроде бы не должны были возникнуть, но они возникли сразу, как только подполковник Бармалеев со старшим лейтенантом Соловейчиковым откинули полог палатки на входе. Прямо перед ними стоял, словно ждал их прихода, гигант, ростом далеко за сто девяносто сантиметров и с необхватными плечами. Гигант был в ярко-синей робе, в строительной каске и держал в руке чемоданчик с наклеенной этикеткой от строительного пистолета. Но сам чемоданчик был от чего-то другого, пистолетный чуть ли не вдвое меньше. Увидев два наставленных на него автоматных ствола, высокий человек бросил свой чемоданчик в лицо Бармалееву так ловко, что тот едва успел защититься автоматом, но его напарник успел дать короткую очередь и попал гиганту в икру. Тот взвыл то ли от боли, то ли от ярости, выхватил нож, но на двух офицеров спецназа не напал, а, приволакивая простреленную ногу, ринулся в заднее отделение палатки, превращенное в кухню. Оттуда сразу же послышался треск ткани – гигант вырезал себе выход. Бармалеев с Соловейчиковым вперед не пошли, опасаясь нарваться на автоматную очередь Кренделя, которая могла задеть и их. Но вместо автоматной очереди они слышали только глухой звук удара и звук падающего тела. И только после этого оба офицера шагнули на кухню.

Гигант лежал на спине, широко раскинув руки, а в кухне уже стоял Крендель, который, оставив к тумбочке автомат, усиленно потирал основание ладони. Бармалеев посмотрел на лицо гиганта и стал складывать тому руки на груди, чтобы сцепить их наручниками.

– Бесполезно, – сказал Соловейчиков, – он мертв. Я сам учил Яшу этому удару. Основанием ладони под основание носа. Если ударить чуть вбок, ломается нос и появляется море крови. Если ударить прямо, нос тоже ломается, и сломанные кости уходят в мозг. Посмотрите, командир, в глаза этому амбалу. Они должны быть красными от крови.

Подполковник приподнял одно веко мужчины. Глаз в самом деле был переполнен кровью.

– Готов... – признал наконец и он, на всякий случай прикладывая два пальца к горлу, чтобы прощупать сонную артерию, но пульс не ощущался. – Но где Курносенко?

– В спальне... – предположил Крендель. – Там вы не смотрите?

В этот момент из-за брезентовой стены, отделяющей спальню от кухни, раздалось невнятное мычание. Все трое спецназовцев ринулись туда.

Полковник ФСБ Курносенко лежал на кровати, руки и ноги его были обмотаны скотчем. Рот был заклеен. На голову, прикрывая лицо, была натянута солдатская камуфлированная вязаная шапочка с прорезями для носа, рта и глаз. Пришлось подполковнику Бармалееву вернуться на кухню, снять уже надетые на одну руку на гиганта-сирийца наручники, вернуться в спальню, резко сдернуть шапочку, дабы убедиться, что это в самом деле Курносенко, оторвать липкий скотч с частью усиков ото рта полковника, а потом нацепить на него наручники. После чего подполковник вытащил нож, разрезал скотч на руках и ногах Аркадия Дмитриевича.

– А вы уверены, что имеете право меня арестовывать? – невозмутимо спросил Курносенко.

– Пока вы только задержаны на семьдесят два часа, то есть на трое суток...

– Ну, это еще можно перетерпеть, – со вздохом согласился Аркадий Дмитриевич. – Трое суток не так уж и много, в сравнении...

– В сравнении с чем? – прямо спросил Бармалеев.

– Ну, скажем, в сравнении с тем временем, сколько я жену не видел. Она у меня прокурор по надзору и часто бывает в командировках. Вот и перед моим отъездом сюда она тоже на

месяц уехала. Почти на месяц, а я в ее отсутствие уехал на три... Так и не удалось встретиться. За младшими детьми старшая дочь следит. Служба такая, ничего не попишешь.

«Прокурор по надзору...» – полковник Курносенко не случайно назвал должность жены. Конечно, он может должностью жены гордиться, тогда понятно. Тем не менее в контексте разговора это название должности прозвучало как угроза. Но угроз подполковник не боялся – в его жизни они звучали часто и всегда оставались лишь угрозами, не более того.

– Ладно, полковник Скорокосов разберется... – решил Бармалеев.

– Скорокосов... – принялся Курносенко размышлять вслух. – Это из ГРУ, что ли? Я думаю, что ему тоже не нужны лишние неприятности. А мы с женой в состоянии их ему доставить.

Теперь он уже открыто угрожал тем, что его жена прокурор по надзору.

– Неприятности всегда бывают только лишними, – нравоучительно изрек Крендель. – И вам это известно лучше других. – Он только поднял руку, демонстрируя полковнику свой узкий и жилистый кулак, а вовсе не основание ладони, которым нанес предыдущий удар. И Курносенко шархнулся в сторону соседней кровати.

– А тебе, старший сержант, они уже обеспечены. Ты же убил человека одним ударом. И это вместо того, чтобы задержать его. Кто это одобрит?.. И главное! На кого ты руку поднял – на акыда Ахмеда Самаама, сотрудника Разведывательного управления Генерального штаба сирийской армии. Запомни это и трепещи. Жди крупных неприятностей.

– Ладно, поехали в штаб. Там Аркадия Дмитриевича допросим под протокол, – решил Бармалеев, мало обращая внимания на угрозы полковника старшему сержанту, но сам пытаясь Курносенко угрожать. – Вы ведь знаете, наверное, товарищ полковник, что по законодательству теперь видеозапись приравнивается к протоколу. Вот и запишем на вами же установленные камеры беседу с вами как с главным лицом действия, то бишь покушения. Там все видно будет. И как вы дрожите от испуга за свою никчемную жизнь, и все остальное. А потом вас закроют на ночь в подвале. Там большое помещение, только спрятаться от Яши Кренделя вам будет негде. – Последовал кивок в сторону старшего сержанта. – Он же ночью видит, как кошка. У него рецепторный аппарат глаз так устроен, – откровенно врал Бармалеев про старшего сержанта. – Но он может найти вас не обязательно нынешней ночью. У него трое суток в запасе. А когда он уйдет, вы ничего больше рассказать не сможете, даже если пожелаете. Так что я рекомендую вам начать говорить откровенно чуть-чуть раньше, к примеру уже сегодня, чтобы я мог найти хорошую причину куда-нибудь отправить старшего сержанта с поручением до утра, чтобы дать вам возможность выспаться, может быть, последний раз в жизни.

Подполковник подхватил Курносенко под один локоть, старший лейтенант Соловейчиков под другой, и так они вывели задержанного из палатки, предварительно набросив на наручники, чтобы скрыть их, полотенце. Однако на широкой улице палаточного городка им встретился майор морской пехоты комбат Кологривский, чей батальон только что прибыл из района боевых действий, и разгружался чуть в стороне – на две улицы дальше, если считать от штаба. А улицы были неширокие, поскольку палатки значительно отличаются размером от городских домов.

– А я вижу, вроде БТР знакомый стоит. Значит, думаю, и Бармалеев где-то рядом. Искать пошел... – Майор явно обрадовался встрече с боевым товарищем. – Слушай, а правду говорят, что на генерал-полковника Сумарокова покушение было совершено?

– Правда, – честно ответил Бармалеев. – Вот видишь, мы одного из главных организаторов повязали. – И он свободной рукой приподнял полотенце, демонстрируя наручники.

То, что произошло дальше, удивило Бармалеева, поскольку его поведение было недостойно психически уравновешенного комбата морской пехоты. Майор буквально взревел диким зверем:

– Он хотел нашего генерала убить!

И тут же ударил полковника ФСБ в глаз, на котором сразу образовался синяк. Но Кологривскому этого показалось мало, а подполковник Бармалеев, не ожидавший такой реакции со стороны майора, поздно отреагировал, и Кологривский ударил и второй рукой, благополучно поставив синяк и на второй глаз, выполнив при этом классическую боксерскую «двоечку». Но нанести третий удар комбат морской пехоты не успел, хотя явно намеревался это сделать. Крендель обхватил его двумя руками за корпус, к которому прижал его руки.

– Не надо, товарищ майор. На нас ведь подумают, что мы задержанного били, – только и сказал старший сержант совершенно спокойным тоном.

– Его за такое самого убить мало, – ответил морской пехотинец, но Кренделю обиды не выказал, только расслабился и мотнул широкими плечами, словно хотел руки молодого сапера с себя сбросить.

– Ты, Юрий Борисович, пока вот что сделай... В палатке остался труп акыда Самаама. Крупный такой мужчина в строительной спецовке и в такой же каске. Надо бы его тоже в штаб к Скороковскому доставить. На всякий пожарный. Озаботься этим. И содержимое карманов проверь.

– Сделаю, – согласился Кологривский.

Спецназовцы подвели полковника Курносенко к своему бронетранспортеру, так и стоящему на парковке в первом ряду, где подполковник Бармалеев его и поставил и где узнал БТР майор Кологривский. Впрочем, узнать было не сложно. После того как БТР попал в засаду, на люке мехвода, давно уже лишенном бронированного стекла, остались выбоины от пуль пулемета и автоматов, покрашенные относительно свежей краской. Краска слегка отличалась по цвету от родной, но мехвод Миша использовал ту, которую сумел найти.

Полковник Курносенко ничего не сказал майору Кологривскому в ответ на два удара. Даже женой не пригрозил. Что вызвало у Бармалеева легкое удивление. Он вообще-то, глядя на мужественное лицо полковника и слушая его высказывания, изначально посчитал его человеком, сломать которого так просто не удастся. А, как показалось Бармалееву позже, Аркадий Дмитриевич сломался так легко, от каких-то двух не слишком сильных ударов, к тому же нанесенных даже не в болевые и тем более не в нокаутирующие точки. А майору морской пехоты эти точки знать положено, как положено и уметь в них бить.

В бронетранспортере на высокое место стрелка-радиста, то есть за пулемет и автоматическую тридцатимиллиметровую пушку, сразу сел старший лейтенант Соловейчиков – любитель больших калибров, а на соседнее со своим креслом Бармалеев тут же устроил свой новый шлем. Таким образом, старшему сержанту Кренделю досталось место десантника, как и задержанному полковнику Курносенко.

Бронетранспортер двигался медленно, так обычно подполковник Бармалеев не ездит. И этому были свои причины. Во-первых, движение в обе стороны было оживленным, и легко было угодить в ДТП. Во-вторых, сам Бармалеев не упустил бы такой возможности. Он видел, как легко было нанести удар локтем в челюсть старшему сержанту Кренделю, после чего совершить скачок вперед и, используя наручники в качестве удавки, захватить его самого за шею, пережать горло. А там уж как бог на душу положит. Можно, например, ДТП устроить – столкнуться с точно таким же бронетранспортером, что на высокой скорости движется навстречу. Можно и еще что-то придумать, чтобы сбросить с верхнего сиденья Соловейчикова. Можно после удара по Кренделю захватить его автомат и расстрелять и водителя, и старшего лейтенанта, и самого Кренделя. Все можно сделать, было бы желание жить и мужество для поступка мужчины, мало думающего о последствиях... Но именно мужского характера полковнику ФСБ, похоже, и не хватало.

В боевой практике подполковника Бармалеева во вторую чеченскую войну был случай, когда он, тогда еще лейтенант, отправился в разведку с двумя бойцами. Бойцы были убиты в перестрелке, а сам он, раненый, угодил в плен. Ему стянули петлей руки спереди и перебро-

сили веревку через центральную домовую балку, на которой держалась вся кровля. Два «чеха» хотели поднять и вытянуть его, а третий вытащил из кармана куртки лейтенанта опасную бритву, только этим утром купленную им в автолавке Военторга, и стал вырезать на его спине красную звезду – так называемый «красный тюльпан», как его называли «духи» в Афгане. Сам лейтенант афганскую войну не захватил. К моменту ее окончания он еще на младших курсах военного училища «грыз гранит военной науки». Бармалеев тогда позволил веревке натянуться и тут же ухватился за нее, слегка подтянулся и каждой ногой нанес удар по челюсти противников, с двух сторон, чтобы «чехи» еще и лбами один о другой стукнулись. Они не стукнулись, но оба упали как подрубленные. Бармалеев готов был упасть на земляной пол, но внезапно почувствовал, как натянулась веревка. Один из «чехов» весом был раза в два тяжелее его самого. К тому же он накрутил веревку себе на руку. Бармалеев подтянулся еще раз, обернулся и двумя ногами одновременно ударил по челюсти человека с бритвой. Бритва, звякнув, упала на земляной пол... Этот удар был бы заключительным, если бы вне дома не находились еще трое «чехов», которые мило флиртовали с девушками-чеченками, широко при этом улыбаясь. С большим трудом освободив из петли руки, Бармалеев схватил автомат, прислоненный к стене дома, и быстро дал три короткие прицельные очереди. Улыбки на лицах «чехов» сменились гримасами боли. А вот боль в ране на спине, кажется, в тот момент отпустила его самого, сменившись чувством удовлетворения и радости от ощущения свободы. Бармалеев вернулся в дом, добил троих своих мучителей и быстро покинул село – ушел в горы, не имея даже карты на руках. Хорошо, что командование батальона, в котором Бармалеев тогда служил, отправило два взвода искать двух солдат и офицера или хотя бы их тела. Бармалеева подобрали в полубессознательном состоянии свои и доставили в госпиталь. Рана зажила быстро, но долго еще болела нога, сломанная в лодыжке от удара бандиту в челюсть.

Подполковник вспомнил все это и оценил поведение полковника ФСБ как «неудовлетворительное», как немужественное. А сам продолжал ехать медленно, не обращая внимания на сигналы транспорта за спиной. И только когда он свернул с главной дороги и направился к объединенному штабу, движение стало значительно меньше. Подполковник поставил свой бронетранспортер на парковке, и втроем они помогли выбраться наружу полковнику Курносенко. В штаб его повели в том же порядке, что и к бэтэру – впереди старший сержант с автоматом в боевой готовности, а подполковник со старшим лейтенантом придерживали полковника, ухватив под локти. Заминка вышла только на посту при входе в сам штаб. Офицер-сириец из комендантского подразделения никак не хотел пропускать офицеров вместе с задержанным, на которого не было пропуска. Пришлось звонить полковнику Скорокову, который решил вопрос прямо по телефону.

Одновременно прибыл и полковник Прохоров, который сразу прошел к генералу.

Глава вторая

Оставив задержанного под охраной старшего сержанта, подполковник со старшим лейтенантом прошли к подполковнику Скорокосову и в подробностях рассказывали ему о том, как проходило задержание Курносенко. Не могли они обойти стороной и гигантскую фигуру акыда Ахмеда Самаама. К некоторому удивлению подполковника Бармалеева, Скорокосова больше всего заинтересовал чемоданчик сирийского полковника, который он бросил в Бармалеева.

– Надо было вскрыть его, посмотреть, что там, – сказал полковник.

– У нас не было приказа на проведение обыска в палатке, – возразил, оправдываясь, Соловейчиков. – К тому же на чемоданчике кодовый замок. Чтобы его открыть, требуется время, а оно у нас было ограничено.

– Да, это мое упущение, – согласился Скорокосов. – Сказывается нехватка следственного опыта. На обыск требуется ордер и обязательное присутствие как минимум двух «понятых». Но ничего еще не потеряно, хотя полковник Курносенко, возможно, и пожелает заявить, что улики ему подбросили уже после задержания.

– Есть выход, – сказал Бармалеев. – Разрешите?.. – Он полез в карман своей куртки и вытащил смартфон. Найдя в адресной книге номер телефона майора Кологривского, позвонил. Майор, видимо, держал телефон под рукой. По крайней мере, ответил он быстро.

– Слушаю тебя внимательно, Вилен Александрович. Вроде бы только что расстались...

Бармалеев включил на телефоне громкую связь.

– Юрий Борисович, ты в настоящий момент где находишься, чем занят?

– Ну и задачку ты перед нами поставил... Твой акыд Самаам весит, наверное, килограммов сто сорок. Пытаемся его тело загрузить в мой бронетранспортер. Я и бойцов специально покрепче с собой взял. Все одно – тяжеловат акыд. Как только Крендель умудрился такого быка завалить. Его же очередь из автомата, наверное, не возьмет – все ему нипочем будет. Ох и задачку ты перед нами поставил, Вилен Александрович.

– Ты вот что сделай. Трап перед какой-нибудь палаткой возьми, а лучше – два трапа, переверни их и попытайся по трапам загрузить. Об удобствах покойного можешь не беспокоиться. И сними с него бронежилет и разгрузку. Все легче будет... А сам вот что сделай. Сразу за входом в палатку должен валяться серый пластиковый чемоданчик, с этикеткой строительного пистолета и кодовым замком. Захвати его с собой.

– Видел я этот чемоданчик. Сейчас, мигом сбегая.

– И еще... – пользуясь тем, что телефон был включен на громкую связь, сказал полковник Скорокосов. – Будь так добр, выставь у палатки часовых. По два человека – спереди и сзади, где палатка разрезана. И предупреди бойцов, чтобы никто не входил и не выходил. В случае несогласия и острого желания посетить палатку – стрелять на поражение... Хотя лучше по ногам – нам свидетели нужны...

– Понял, товарищ полковник. – Майор Кологривский даже голос полковника узнал, несмотря на то что он стоял в стороне. – Есть стрелять по ногам...

Бармалеев после слов майора от разговора отключил связь. В этот момент телефон вновь зазвонил.

– Жена, – виновато сказал Бармалеев и посмотрел на полковника, спрашивая разрешения ответить.

Скорокосов торопливо кивнул.

– Слушаю тебя, только учти – я очень занят.

– Ты всегда занят, и днем, и ночью, когда ни позвони. Я только спросить хочу: у тебя все нормально?

– Нормально. Скоро буду дома. Жди через четыре месяца.

Он отключился от разговора и убрал телефон, не дожидаясь ответа Тамары.

– Давай сюда задержанного, – распорядился Скорокосов.

Соловейчиков открыл дверь и сделал знак старшему сержанту, на которого с прежней опаской косился полковник ФСБ. Крендель подтолкнул Курносенко стволом в спину, направляя его к двери кабинета. Удар был слабым, к тому же бронежилет, который «строитель» тоже носил, удар нивелировал. Однако Аркадий Дмитриевич и от него поморщился, изображая боль.

Чуть в стороне от рабочего стола полковника у стены стоял с одной стороны высокий и узкий сейф, состоящий из двух отделений – верхнего и нижнего, с другой – трюмо, рядом с которым к стене была грубо приколочена большими гвоздями вешалка – других гвоздей под рукой не оказалось.

– Красавец, – только глянув на раскрашенного кулаками майора морской пехоты Курносенко, сказал Скорокосов с некоторой даже долей брезгливости.

– Красавец, – подтвердил сам полковник ФСБ, только мельком и косо посмотрев в зеркало. Посмотрел и сразу поморщился. Но это движение, должно быть, доставило полковнику боль, которую он терпеть не привык и даже не умел, и потому долго не открывал глаза. И только когда Курносенко с трудом сумел поднять веки, он спросил:

– И как же вы намереваетесь передать меня Следственному управлению ФСБ в таком виде? Вас же самих могут привлечь за попытку подозреваемого.

Курносенко, похоже, не сомневался, что его передадут в Следственное управление ФСБ, где его вопрос благополучно будет решен. Но он, видимо, не сумел учесть кое-какие нюансы.

– А кто вам сказал, что ваше дело будут рассматривать ваши коллеги по ведомству, заинтересованные в том, чтобы не выносить сор из избы? – задал Скорокосов встречный вопрос.

– Ну, не ГРУ же будет его рассматривать? ГРУ, насколько мне известно, не наделены полномочиями следственных органов.

– Ну, – в тон полковнику ФСБ ответил полковник военной разведки, – во-первых, такой организации, как ГРУ, уже давно в Вооруженных силах России не существует. Есть только Главное управление Генерального штаба... И подчиняется оно законам Российской Федерации, за соблюдением которых следит Главная военная прокуратура, имеющая собственное Военное следственное управление. Это вам для справки... – и добавил, заметив кривой смешок полковника ФСБ: – Но и Главное следственное управление Военной прокуратуры вести это дело, скорее всего, не будет. Поскольку преступление произошло за пределами Российской Федерации, хотя и в ее войсках. Однако в деле замешаны граждане Сирии, следовательно, сирийским властям и флаг, как говорится, в руки, и барабан на шею, как юным пионерам. А кроме того, Следственное управление ФСБ ничего не знает о гражданине Сирии Гуйчи Кхаледе.

– То есть как это? – возмутился Курносенко. – В Следственном управлении прекрасно информированы, что под именем Гуйчи Кхаледа в Сирии работал я.

– Не знаю, ничего не знаю, вот официальное письмо. – Полковник Скорокосов держал в руке лист входящей шифротелеграммы. – Письмо получено по средствам шифрованной связи, потому я не имею права кому-то его показывать, кроме товарища генерала. Мы задаем вашему ведомству вопрос о причастности сирийца Гуйчи Кхаледа к покушению на генерал-полковника Сумарокова. И нам официально отвечают, что никакого сирийца Гуйчи Кхаледа они в Москве не знают.

Полковник ФСБ перевел дыхание.

– Вы бы еще спросили о причастности к подготовке покушения на Президента России. И получили бы точно такой же ответ, – сказал он.

– То есть, если я вас правильно понял, вы обвиняете свою бывшую службу в сокрытии истины?

– Примерно... – ответил Курносенко. – По крайней мере частично.

В это время дверь без стука открылась, и в кабинет вошел генерал-полковник Сумароков, при появлении которого все, включая полковника Курносенко, встали. При этом последний встал вместе со стулом, к которому его прицепил наручниками старший сержант Крендель.

– Сидите, сидите... – махнул рукой генерал.

Первым сел на стул старший сержант Крендель. За ним и остальные. Только полковник Скороков, вышагивающий перед своим столом, остался стоять.

– Товарищ генерал, мы проводим допрос подозреваемого... – начал было объяснять Скороков, но генерал перебил его:

– Продолжайте. Я смотрел, как вы ведете допрос, по видеотрансляции. Там, кстати, – генерал указал на дверь в просторный коридор, – вас ожидают морские пехотинцы. Принесли тело очень крупного человека в одежде рабочего. И переводят, судя по всему, дыхание. Тело довольно тяжелое.

– Итак, – продолжил Скороков, обращаясь к полковнику ФСБ. – Мы остановились на том, что Следственное управление ФСБ России от вас отказалось. Почему? Хотелось бы услышать.

– Никто от меня не отказывался, – ответил Аркадий Дмитриевич. – Просто вы неправильно поставили вопрос. Следственное управление отказалось от причастности Гуйчи Кхаледа к покушению на товарища генерала, и я с этим полностью согласен. Я к этому покушению не имею никакого отношения.

– А акыд Самаам имеет? – поинтересовался Скороков.

– Не знаю. Спросите его сами. Если вы умеете разговаривать с покойниками.

– Вы отлично знаете, что акыд Самаам не может дать показаний, и этим желаете воспользоваться.

– А почему бы и нет, – с некоторой даже наглостью заявил Курносенко, будучи уверен, что в присутствии генерал-полковника его бить не будут, и потому осмелев.

– Подполковник, – обратился Скороков к Бармалееву, – пригласите майора Кологривского.

Вилен Александрович, словно ждал этого момента, быстро встал со своего стула, стоящего ближе других к двери, и открыл дверь.

– Юрий Борисович, заноси... – скомандовал он.

– Нет-нет... Тело можно в коридоре оставить, под охраной. Чемоданчик заносите... – подсказал полковник Скороков, выглянув за дверь.

Майор Кологривский занес в кабинет чемоданчик, к которому сразу подошел Соловейчиков. Скороков попытался было наугад набрать код на замке, но старший лейтенант остановил его:

– Подождите, товарищ полковник, чемоданчик может оказаться с секретом. Встречал я уже такие. Три раза неправильно код наберешь, и последует взрыв, который уничтожает осколками всех, невзирая на звания. И потому я попрошу товарища генерала удалиться в свой кабинет.

Генерал-полковник послушно встал и прошел к двери, и только на пороге он остановился и обернулся:

– А вы – все?..

– А мы все люди армейские, к взрывам привычные, – поправив повязку на голове, сказал Бармалеев.

– Можно подумать, я один – не армейский и взрывы, и выстрелы для меня в диковинку, – сказал Сумароков. – А ну, быстро все за мной. Только один сапер с чемоданчиком остается...

– Два сапера... – поправил генерала Крендель. – Вдруг что-то подержать понадобится. К тому же у меня инструмент с собой. Персональный. – Он вытащил из-под «разгрузки» тонкие

щипчики и длинный пинцет, похожий на медицинский. Из другого кармана Яков вытащил длинную тонкую отвертку и раскладной нож и сложил все инструменты на столе перед старшим лейтенантом.

– Хорошо, – согласился генерал. – Два сапера. Остальные – за мной.

Первым кабинет полковника Скорокосова вместе со стулом, к которому был прикован, покинул полковник ФСБ Курносенко.

* * *

Прошло чуть больше пяти минут, когда в дверь генеральского кабинета постучали, потом, не дожидаясь приглашения, туда вошел Крендель, а за ним, держа чемоданчик двумя руками перед собой, Соловейчиков. Чемоданчик оказался уже открыт. Он был доверху забит пачками долларов. И из кармашка в верхней крышке торчали обрезанные провода разного цвета – красный, синий и два зеленых, один из которых был толстым, второй – тонким.

– Не зря со мной Яша остался, – сообщил старший лейтенант. – Я хотел один провод обрезать, но старший сержант предупредил, что тогда будет взрыв. И показал, какой надо резать. У него по обезвреживанию таких взрывных устройств опыта больше моего. Он их сам в университете, говорит, проектировал.

– Какой университет окончил? – спросил Кренделя генерал-полковник.

– Киевский. Но только не окончил. Только три с половиной года отучился. На приборостроительном факультете. Но у меня же родители в Донецке. Я к ним и сорвался. А потом уже товарища старшего лейтенанта встретил. И в спецназе оказался.

– Сколько здесь? – спросил генерал, кивнув на доллары в чемоданчике.

– Понятия, товарищ генерал, не имею, – признался Соловейчиков. – Считать надо. Но на первый взгляд я бы сказал, что немногим больше миллиона.

– Ну, так считай. Я, что ли, буду... – проворчал Сумароков.

– А можно мне помочь, товарищ генерал, – вызвался полковник Курносенко. – Всю жизнь о такой сумме мечтал, и вот она – рядом.

– Отставить, полковник, отставить. Запрещаю просто потому, что не доверяю. Через ваши руки, судя по всему, прошло множество таких сумм... Скорокосов, Бармалеев, помогите старшему лейтенанту сосчитать.

А сам генерал позвал к себе жестом майора Кологривского и что-то настойчиво стал толковать ему в ухо.

Как Курносенко ни прислушивался, разобрать ничего не смог.

С подсчетом офицеры быстро справились.

– Миллион двести пятьдесят тысяч баксов, товарищ генерал, – сообщил Соловейчиков.

– Да, для бюджета такой нищей страны, как Сирия, это солидные деньги, – изрек генерал Сумароков – И кто только ее не грабит. Теперь уже и старшие офицеры разведки повадились. Я далек от того, чтобы осуждать Асефа Шауката, в бывшее ведомство которого направил сейчас майора Кологривского, однако уверен, что рыба начинает гнить с головы, – генерал говорил тихо, чтобы его слышали только окружающие его офицеры, но ни слова не донеслось до полковника ФСБ Курносенко, сидящего чуть в стороне.

Сумароков был уверен, что если к покушению на него причастна ФСБ, то она постарается «выкрутиться» так или иначе, даже «слив» своего опытного сотрудника. Но при этом же попытается перевалить вопрос с покушением на чужие плечи. Так в 2005 году еще один член семьи президента, младший брат нынешнего президента Мохер Асад вместе с тогдашним главой военной разведки Сирии Асефом Шаукатом были упомянуты в предварительном отчете комиссии ООН по расследованию убийства миллиардера и бывшего премьера Ливана Рафика Харири. Так что свалить было на кого. А что такое ликвидация российского генерала по срав-

нению с ликвидацией премьер-министра целой страны... Генерал, хотя и высоко ценил собственную жизнь, все же видел существенную разницу между собой и премьер-министром даже Ливана, страны, которую не каждый человек сразу на карте покажет.

– Я отправил майора Кологривского к начальнику военной разведки Сирии Рафику Шахадаху с просьбой разобраться с акыдом Самаамом и за разрешением на обыск в палатке рабочих, – на сей раз громко объявил генерал и обратил внимание на реакцию полковника Курносенко на это сообщение. Полковник заворочался на стуле, обеспокоенный или самим сообщением о предстоящем обыске, или именем главы военной разведки. – Сирийская разведка имеет следственные полномочия. Майор выставил караул около палатки и сам вызвался провести обыск. Я надеюсь, он что-то найдет...

– Он тщательный человек, перфекционист. Он даже синяки под глазами ставит парные... – дал характеристику коллеге подполковник Бармалеев. – Обязательно что-то найдет.

Полковник Курносенко от этих слов поморщился и потрогал пальцами синяки под глазами.

А присутствующий здесь же полковник Прохоров сделал почти официальное заявление:

– Я сегодня публично обвинил подполковника Бармалеева в отсутствии юмора. Причем сделал это в присутствии постороннего человека, инспектора ВАИ, который как раз и оставил Бармалеева за превышение допустимой скорости. Заявляю публично, что готов взять свои слова обратно после его высказывания о перфекционизме майора Кологривского. Юмор, правда, у товарища подполковника своеобразный и проявляется не всегда, тем не менее...

В это время в дверь генеральского кабинета громко постучали, и, после приглашения, вошел сам майор Кологривский, о котором только что говорили. Он принес на своем горбу большой и тяжелый мешок. Тащил его майор с большим трудом, что было заметно по его искаженному лицу и затрудненному дыханию. Полковник ФСБ при виде мешка даже попытался привстать, слегка приоткрыв рот.

– Что касается акыда Самаама, то он находится в данный момент под следствием. А это... Это вот, товарищ генерал, я нашел под кроватью полковника Курносенко. – И Кологривский, поставив мешок перед собой на пол, вытащил из него целлофановый мешочек поменьше с каким-то чуть желтоватым порошком, которого в мешочке было килограмма два.

– Героин! – с неким даже восторгом воскликнул генерал-полковник, непонятно чему радуясь. – Я так и подумал еще тогда, когда мне звонили. Именно этот мешок вы собирались отправить в Москву. Итак, полковник Курносенко, меня сильно интересует, в каких вы отношениях были с акыдом Самаамом? И еще я попрошу вас не раздумывать долго над ответом, а говорить сразу, как только вас спросят. Так, кажется, у вас в ФСБ учат проводить допросы. Говорите, я жду...

– Да, в принципе, ни в каких. Когда он предложил мне бежать с ним к противнику, я попытался его задержать. А чем моя попытка завершилась, прекрасно видели и подполковник Бармалеев, и другие офицеры и бойцы. Акыд меня попросту спеленал, как ребенка. Силища у него зверская. Была...

– По этому поводу у меня есть несколько вопросов, – сказал полковник Скорокосов, по-видимому, решивший помочь генералу в ведении допроса. – Во-первых, ваше досье в интернете дает вам прекрасную характеристику. Я, признаться, даже не догадывался, что у вас имеется черный пояс по карате киокушинкай. Черный пояс, насколько мне известно, приравнивается к званию мастера спорта... Отсюда мой первый вопрос. Как вы могли позволить связать вас даже такому сильному физически противнику, как акыд Самаам.

– В киокушинкай запрещены удары в голову. Мы просто не обучены от них защищаться. А акыд Самаам сразу ударил меня в голову, после чего, отключив, уложил на кровать и связал скотчем.

Объяснение было ясным и вполне допустимым даже для человека, пропустившего мощный удар в голову.

– А зачем он вас на кровать укладывал? – спросил Скорокосов. – Мог бы и на полу связать. Как я понимаю, ради вашего удобства или для чего-то другого?

Курносенко в ответ только плечами пожал – дескать, я-то откуда могу знать, пошевелил кольцо наручников на правой руке и при этом сильно поморщился. Там, должно быть, наручники особенно давили полковнику на руку, широкую и сильную в запястье.

– Наверное, я сразу на кровать упал, – предположил полковник, – поскольку рядом с нею стоял.

– Возможно... – согласился полковник военной разведки. – Хотя я думаю, что акыд пытался вашим телом прикрыть то, что хранилось под кроватью... Еще один вопрос. Акыд заклеил полоской скотча вам рот, но руки были, насколько я понял, связаны одна с другой и к самой кровати не привязаны. Что вам помешало сорвать руками полоску скотча со рта и предупредить наших офицеров, проводящих ваше задержание? Мне кажется, что вы намеренно не желали их предупредить, надеясь на помощь акыда. Так, полковник, обстояло дело?

– Совсем не так. Как я вообще мог рассчитывать на помощь акыда, если он меня связал, сделал беспомощным...

– У меня есть подозрения, – изрек Скорокосов, – что он связал вас по вашей же просьбе. После неудавшегося покушения на товарища генерал-полковника Сумарокова вы ожидали, что за вами придут, чтобы задержать, и потому пытались изобразить из себя жертву нелояльности акыда. И мешок с героином принадлежал не полковнику, а вам. И именно вы пытались переправить его в Россию военным бортом, а вовсе не полковник Самаам.

– Ну, это еще предстоит доказать. А любые сомнения трактуются следствием в пользу обвиняемого, да будет вам известно. У вас нет никаких доказательств моей причастности к контрабанде наркотика...

– Есть, – внезапно вступил в разговор майор Кологривский. – Я умышленно не предъявил сразу все, что удалось найти в палатке. Хотел услышать, что полковник Курносенко скажет в свое оправдание. Итак, товарищ полковник ФСБ, будьте любезны сообщить мне, чей это телефон? – Майор вытащил из кармана целлофановый пакет с мобильником.

– Понятия не имею, – ответил Курносенко. – Похож на мой, но это не мой. Мой телефон испачкан клеем по краю дисплея. Да вот он, на столе у товарища генерала лежит, – на столе в самом деле лежал мобильник, вытасканный из кармана гражданской спецовки полковника ФСБ.

– А если мы второй телефон отдадим на экспертизу и на нем обнаружатся ваши отпечатки пальцев? – спросил Юрий Борисович, потрясая пакетом с телефоном.

– Да бога ради... Хоть на десять экспертиз отдавайте. Но я надеюсь, что вам всем, должно быть, известно, что отпечатки пальцев являются только косвенными уликами. И ни один суд в мире не будет их рассматривать как доказательство вины подозреваемого. Мало ли что с телефонами происходит. Их можно и потерять, их могут украсть. Я уже не говорю про то, что отпечатки пальцев можно перенести на телефон. Кстати, я не так давно свой мобильник потерял и купил себе точно такой же, как первый. Привычка, знаете ли...

Телефон на столе генерала был точной копией телефона из пакета Кологривского. А говорил все это полковник ФСБ уверенно, однако видно было, как его глаза обеспокоенно бегают.

– Тогда давайте сделаем перерыв, – предложил Кологривский, – иждеждемся посыльного от главы военной разведки Сирии. Он прибудет с минуты на минуту – ему же только на один этаж подняться – и принесет нам новые доказательства вины Курносенко. Сам генерал Рафик Шахадах уже звонил мне.

Кологривский стоял перед генералом Сумароковым и следил за ним. А генерал-полковник следил за полковником Курносенко и видел, что тот обеспокоен.

– Сделаем перерыв... – согласился Сумароков больше в пику полковнику, чем по необходимости.

Около четырех-пяти минут ждали молча, в тягостной для Курносенко тишине. Наконец генералу по внутреннему телефону позвонил снизу дежурный офицер и сообщил о приходе акыда из Управления военной разведки Сирии, генерал приказал пропустить, а еще через полторы минуты в дверь постучали и вошел акыд, который был еще крупнее акыда Ахмеда Самаама.

– У вас что, все в военной разведке такие, мягко говоря, крупные? – спросил, забывшись, генерал-полковник на русском языке.

– Никак нет, товарищ генерал, – на довольно чистом русском языке ответил пришедший, тем самым одновременно демонстрируя и то, что он когда-то учился в России, и знание российских армейских уставов. – Только двое и было. Теперь я один остался. Надеюсь, меня не положат рядом с акыдом Самаамом в коридоре? А то мы с ним не друзья были – только соперники...

– Не положат, не переживай, – махнул рукой генерал. – Тебе, как я понимаю, майор Кологривский нужен. Вот он.

Кологривский принял из рук акыда коричневый бумажный пакет.

– Разрешите идти, товарищ генерал? – спросил посыльный, снова показывая, что он хорошо знаком с российскими уставами.

Сумароков взмахом руки отпустил его, а Кологривский вытащил из пакета какое-то, судя по наличию двух микросхем, электронное приспособление.

– Что это? – спросил генерал.

– Модулятор голоса... Вы же сказали, что вам звонил какой-то робот...

Полковник Скорокосов был, кажется, лучше других знаком с различными электронными гаджетами и потому сообщил:

– В Москве на радиорынке такие свободно продаются. Можно и из Китая через интернет приобрести. Правда, полиция и ФСБ такие посылки отслеживают, но за всеми же они уследить не могут... Китайская модель, кстати, бывает в состоянии любой голос смодулировать, стоит только образец на карту памяти переписать. В сложную ситуацию вы попали бы, товарищ генерал, догадайся они дать вам приказ голосом ВГК⁵, – улыбнулся полковник.

– Да, не знаю тогда, как бы я поступил... – в ответ улыбнулся Сумароков.

Скорокосов взял модулятор голоса, а генерал-полковник заметил, как засуетился на стуле полковник Курносенко.

Полковник же Скорокосов сдвинул с места малозаметный тумблер и сказал в пространство между двумя микросхемами, где, видимо, был установлен видимый только ему одному микрофон, в который он и произнес:

– Раз, два, три, проба, проба, даю пробу...

Громкоговоритель повторил его слова, но другим, с металлическими нотками голосом. Еще и эхо между двумя микросхемами прогуливалось, пусть и легкое, но ощутимое.

– Нет, голос в целом не похож... – отметил генерал. – Хотя отдельные нотки звучат схоже...

– Ничего удивительного, – ответил Скорокосов. – Я же рядом с вами находился и звонить вам не мог. Это, несомненно, кто-то другой... Полковник Курносенко, вы не будете против, если мы ваш голос испытаем?

Скорокосов приблизился к полковнику ФСБ.

---

⁵ ВГК – Верховный главнокомандующий.

– Буду... На основании чего вы проводите это испытание? Человеческий слух – слишком ненадежный прибор для стопроцентного уточнения и идентификации. Схожесть вам ничего не даст.

– Кроме подтверждения подозрений... – настаивал полковник военной разведки России. Он сделал еще один шаг в сторону Аркадия Дмитриевича и выставил модулятор голоса перед собой:

– Говорите...

– Что говорить?

– Все, что угодно.

– Могу сказать только, что ни один в мире суд не воспримет ваши доказательства всерьез. А запросить запись самого разговора вы не можете, поскольку сотовый оператор разговоры не записывает – у него просто мощностей свободных не хватит, чтобы хранить еще что-то, кроме СМС-сообщений. Тем более сирийский оператор, у которого всегда денег в наличии нет. Здесь люди на телефон только мелочь кладут.

– Тот самый голос, – констатировал генерал Сумароков. – Точно – это он. Капитана Николаева, своего адъютанта, я тебе, полковник, никогда не прощу. Но что я... Тебе его не простит Дарья – моя дочь. А женская месть бывает изощренной. Бойся, полковник, бойся, трепещи... И за себя, и за свою жену тоже, и за детей своих. Даша найдет способ заставить тебя пожалеть о содеянном, будь уверен. Я свою дочь знаю...

– А при чем здесь моя жена? – попытался возмутиться Курносенко.

– Если с ней что-то случится, ты знай, что отомстили тебе, чтобы ты осознал все, тобой совершенное, чтобы почувствовал горечь утраты. Каково тебе будет одному воспитывать троих детей... Но ты ведь у нас «сядешь», а твоих детей будет детский дом воспитывать, как подполковника Бармалеева. Может быть, из них еще и хорошие люди получатся, такие как подполковник Бармалеев.

Генерал Сумароков вернулся к своему двухтумбовому рабочему столу, открыл верхний ящик левой тумбочки, вытащил и бросил на стол несколько миниатюрных гаджетов, отличных от того, что все еще держал в руке полковник Скорокосов.

– И к этому ты тоже, скажешь, не имеешь отношения?

– Что это? – спросил Аркадий Дмитриевич.

– Это – «жучки», то есть подслушивающие устройства, и видеокамеры, установленные в моем кабинете и в кабинете моего адъютанта. Я понимаю, что это легко списать на действия разведки противника – мы все же на войне находимся, к тому же ни на одном гаджете нет отпечатков пальцев. Ты же, я полагаю, не настолько наивен, чтобы без перчаток работать. Но точно так же, полковник, легко предположить, что ты полученные сведения этой самой разведке противника передавал или попросту продавал. Или ты сам, или твои друзья-коллеги. Иначе какой смысл устанавливать такое количество видеокамер и «жучков». Попробуй мне это внятно объяснить... Что не видит одна камера, то не скрыто от другой. Что один «жучок» до конца не разобрал, можно попробовать разобрать на другом. Так?

Полковник Курносенко опустил голову. Объяснить внятно он не мог. Объяснить внятно – это значило раскрыть всю подноготную Гуйчи Кхаледа, что вообще-то выходило за все правила такой крупной игры, в которой убийству российского генерала отводилась лишь эпизодическая, проходная роль. Главная беда заключалась в том, что Гуйчи Кхалед был реальным лицом, являлся заключенным в Германии, который за деньги предоставил свои реальные документы ФСБ на время своего срока, который Гуйчи Кхалед отбывал за участие в боевых действиях на стороне ИГИЛ в Ираке. Его внешнее сходство с Аркадием Дмитриевичем, вплоть до кучерявых темных волос, и сыграло решающую роль в выборе. А все документы у Гуйчи Кхаледа были чистыми и до поры до времени хранились в тайнике, пока не попали в руки ФСБ и стали использоваться полковником Курносенко, в одночасье превратившимся в Гуйчи

Кхаледа, сирийского строителя. Правда, перед этим полковнику пришлось под руководством мудрого наставника целых полгода тщательнейшим образом штудировать Коран, причем так штудировать, что после окончания обучения он мог бы спорить о каждой суре со знанием дела, а потом еще полгода работать среди настоящих строителей, изучая ремесло.

Но главное заключалось не в этом. Главное заключалось в том, что полковнику Курносенко пришлось бы раскрыть целую сеть, рассказывая о том, как он вышел на настоящего Гуйчи Кхаледа и приобрел настоящие документы, и он прекрасно понимал, что его после этого ждет, если руководству станет известно, кто сдал такой прекрасный план конкурирующей организации – военной разведке...

И не только одного полковника это касалось. Тогда и на карьере жены можно поставить жирный крест, и детям в будущем закрыть дорогу к высоким должностям, на которые родители рассчитывали. А до этого осталось вроде бы совсем немного времени. Старшая дочь уже заканчивает учебу в университете, а младшая оканчивает второй курс юридического факультета в профильном вузе. Сын в это время завершает учебу в школе, но в отношении сына разговор должен быть особым. Мальчишка вырос сверхсложным в процессе воспитания. Прикинув все это, полковник Курносенко решил придерживаться прежней линии защиты – ничего я не знаю и ничего без представителя Следственного управления ФСБ не скажу.

Однако генерал словно бы пошел на поводу у полковника Курносенко. Впечатление сложилось такое, будто Сумароков решил дать ему время на осмысление ситуации.

– Сейчас мне предстоит решить другую задачу, – сказал генерал, глянув на часы, – а в кабинете я попрошу остаться полковника Скорокосова и полковника Прохорова. Комбатов я прошу вернуться в кабинет после того, как они выполнят поручение. И потому я предлагаю прервать работу до завтра, а завтра собраться в том же составе, кроме старшего сержанта, примерно в то же время. Возражений нет? Ну и отлично...

Одновременно со своих мест поднялись майор Кологривский, подполковник Бармалеев и старший лейтенант Соловейчиков. Двум последним и Кренделю Сумароков негромким голосом дал задание отвести Курносенко в подвал. Старший сержант начал отстегивать от стула наручники полковника Курносенко и снова замкнул их сразу на двух руках за спиной полковника. Все, казалось, знали, кому что делать.

Кологривский снова взвалил себе на плечи мешок и с ним вышел. А Бармалеев, Соловейчиков и Крендель повели Курносенко в подвал, где находились не имеющие окон комнаты, больше похожие на камеры. Но в камерах, по крайней мере, есть пусть и зарешеченные, но окна, пропускающие дневной свет. В подвальных же помещениях их не было, как не было и кроватей. Только стол и два стула к нему.

Сам полковник ФСБ сначала проявил беспокойство, памятуя об угрозе подполковника Бармалеева. Но потом вспомнил, что подполковник говорил о большом подвале, где спрятаться не удастся, несмотря на его размеры, а тут ему выделяют явно отдельную комнатку, и у Курносенко на душе стало поспокойнее. А когда за дверью поставили еще и сирийца-часового – офицера из комендантского подразделения аэропорта, полковник вообще успокоился. Курносенко знал, что сирийцы не любят воевать, но они слышат несговорчивыми сторожами и постовыми.

А генерал-полковник тем временем, оставшись у себя в кабинете с двумя полковниками – Скорокосовым и Прохоровым, посетовал:

– Надо что-то придумать относительно этого полковника ФСБ.

– Задержанный убит при попытке к бегству... – предложил полковник Прохоров мрачным тоном.

– Может быть, нам и к этому придется прибегнуть, но не сразу... – возразил генерал. – Сначала следует разобраться во всем досконально.

– Сначала следует выкачать из него все, что он знает, – добавил Скорокосов.

Глава третья

Самолет из Сыктывкара прилетел в аэропорт Домодедово вовремя. Пассажиры только спустились по трапу и ждали, когда им подадут автобус, чтобы доставить в терминал, когда к самолету, почти к самому трапу, подъехал внедорожник «Мерседес». В это время из самолета вышел последний пассажир, вернее, пассажирка. На женщине лет сорока с небольшим, ухоженной, хорошо выглядевшей, был синий прокурорский мундир, и вела она себя уверенно, с чувством собственной значимости. Женщина сразу села на переднее пассажирское сиденье, предоставив заднее двум встречающим ее мужчинам в таких же синих мундирах. Встречающие излишне суетились – им не каждый день доверяли встречу такой высокой особы. Причем высокой в прямом и переносном смысле. Оба мужчины были небольшого роста, тогда как женщина была на полголовы выше самого высокого из них и даже выше водителя «Мерседеса».

– Меня бы кто так встречал... – сказал мужской голос из толпы пассажиров, ждущих, когда подойдет автобус, что уже развернулся и направлялся к ним.

«Мерседес» тем временем сделал небольшой круг и подъехал к воротам, выходящим с летного поля. Ворота перед внедорожником отъехали в сторону, и в этот момент прогремел выстрел, оставивший в лобовом стекле автомобиля только одно отверстие, вокруг которого сразу же разбежалась сеть морщинок. Внедорожник резко остановился. Водитель остался на месте, замерев в ступоре, но выскочили в стороны двое пассажиров с заднего сиденья.

– Нет, меня так встречать не надо... – сказал все тот же голос из толпы.

Половина пассажиров самолета уже загрузилась в автобус. Вторая половина еще только собиралась в него влезть. И мужской голос раздался как раз из этой второй половины. И видно было, что говорит человек высокий, который издали наблюдал за «Мерседесом» и прекрасно видел, что произошло. Более того, человек этот видел, как сразу после того, как раздался выстрел, черный «Форд Фокус» тронулся с места парковки, находившейся по другую сторону ворот, и уехал в сторону дороги, ведущей в город. Ехал он неторопливо, и складывалось впечатление, что его отъезд просто совпал с выстрелом по времени.

Между тем люди в черном «Мерседесе», кажется, не очень торопились оказать женщине помощь. Они, конечно, открыли переднюю пассажирскую дверцу и заглянули внутрь, после чего оба достали телефоны и начали куда-то звонить. Куда они звонили, было ясно. Один запоздало вызывал «Скорую медицинскую помощь», второй, видимо, звонил в полицию.

Высокий человек перестал ждать, когда в автобус загрузятся все пассажиры, и, бросив свою спортивную сумку, побежал в сторону внедорожника. Один из людей в темно-синем мундире, растопырив руки, пытался его остановить криком: «Туда нельзя!» Второму все же удалось схватить высокого человека за рукав распахнутой куртки, в результате чего куртка осталась у человека в синем мундире в руках, а высокий мужчина с криком «Я – врач!» прорвался к машине. Но сразу понял, что опоздал и помощь оказывать уже некому. Женщина спокойно сидела на переднем сиденье, приоткрыв рот, а прямо посреди лба зияло входное отверстие от пули. Выходное отверстие было, видимо, на затылке, поскольку с затылка стекала за шиворот кровь.

Первой приехала машина «Скорой помощи», и буквально следом за ней микроавтобус с белой полосой посредине с надписью по полосе «Следственный комитет». И тут же приехал еще и третий микроавтобус с надписью: «Федеральная служба безопасности».

– Почему на месте происшествия посторонние? – едва покинув машину Следственного комитета, спросил человек ниже среднего роста, широкоплечий, с бычьей крутой шеей и помятыми ушными раковинами, сразу выдающими в нем бывшего борца классического стиля или «вольника». Человек был в распахнутом черном кожаном плаще, левый бок которого оттопыривался от подмышечной кобуры.

И он кивнул в сторону высокого мужчины.

– Я не очень-то и посторонний... – начал тот оправдываться. – Я с этой женщиной в одном самолете летел – сидел неподалеку. И слышал выстрел. А потом видел, как с места сорвался черный «Форд Фокус»...

– Номер! – требовательно произнес человек в кожаном плаще.

– Я, простите, не запомнил, – испуганно ответил высокий мужчина. – Даже на него не посмотрел. Да и далековато было.

– Он врачом представился, – сказал один из людей в синем мундире, глянув на высокого мужчину, которому он с трудом доставал затылком до плеча.

– Простите, Христа ради, это я так... Чтобы не задерживали. Подумал, что время терять нельзя. В действительности я только ветеринар. Но ко мне со всех окрестных деревень люди идут. Никому в помощи не отказываю. Одного даже от цирроза печени избавил.

– Куда «Форд Фокус» двинулся? – лающим голосом спросил человек из машины Следственного комитета.

– В сторону города.

Человек достал мобильный телефон и стал куда-то звонить, требуя запись дорожных камер с автомобилем «Форд Фокус» черного цвета. Видеозаписи ему обещали, как понял высокий человек, предоставить.

Представитель Следственного комитета наскоро записал номер телефона ветеринара, его домашний адрес и место работы. В ответ протянул визитную карточку.

– Майор Протасов Лев Николаевич, не Толстой, а только Протасов. Следователь по особо важным делам. Если что-то вспомните, звоните... Больше вас не задерживаю. Спасибо. Вы очень помогли следствию... – И он на прощание пожал ветеринару руку.

* * *

Генерал-полковник Сумароков дал задание полковникам Скорокосову и Прохорову подготовить план операции по организации следующего по очереди «котла», и снова на южном участке фронта, что в итоге даст ему возможность совместно с войсками центрального участка фронта, где накануне был совершен прорыв, организовать большой по площади и по общему обхвату войск противника «котел». Тогда осталась бы нетронутой северная группировка ИГИЛ и только часть центральной, но и они практически попали бы в окружение, поджимаемые со всех сторон российско-сирийскими войсками и только частично войсками Турции. Это предвещало общую скорую победу.

В разгар обсуждения вернулись и два комбата.

– А где своего старлея потеряли? – спросил Сумароков. Он уже так привык к тому, что командир саперного взвода находится где-то рядом, что остро ощущал нехватку чего-то, когда Соловейчикова рядом не было.

– Он вместе со своим замкомвзвода благоустраивает задержанного.

– То есть? – строго спросил полковник Скорокосов.

– Полковник Курносенко заявил, что согласно Женевской конвенции в каждой камере должна быть кровать с постельными принадлежностями.

– А сами они в ФСБ очень эту конвенцию соблюдают? – задал риторический вопрос полковник Прохоров. – И вообще, насколько мне известно, Женевская конвенция трактует условия содержания военнопленных. Курносенко что, считает себя военнопленным? Тогда и допрашивать его следует иначе. Более жестко, как предателя Родины. Он и без того, думается мне, предатель, но если сам это признает – совсем другое дело.

– Ну ладно, хотя на голом полу или на столе поспать полковнику было бы полезно, – решил генерал. – Но раз уж озаботили старшего лейтенанта, он расшибется, но найдет что нужно.

– Найдет, – подтвердил Бармалеев. – Он уже почти нашел. Часовой подсказал, что в комендантской роте лишние имеются. Соловейчиков к коменданту пошел. Выпросит.

– А мы пока другой проблемой озаботимся, – решил Сумароков. – И вы вовремя подоспели. Как раз я думал, как мне два ваших батальона выводить?

– Опять к «бармалеям» в тылы? – поинтересовался майор Кологривский.

– Не опять, а снова... – ответил за генерала полковник Скорокосов. – Ваши батальоны у нас считаются лучшими. На их командиров мы надеемся больше, чем на других. И на бойцов тоже.

– Но я обещаю командирам батальонов отправить их подразделения после завершения текущей операции на отдых, – сказал генерал Сумароков. – Я отлично понимаю, что такое усталость, тем более психологическая. Однако больше мне доверить это дело некому... Не майору же Огневу и не сирийскому комбату. Они хороши только в обороне и при общем наступлении, а там, где вертеться приходится, малопригодны... Короче говоря, только вы двое и ваши бойцы... При этом я знаю, что вы обычно сами выбираете себе место и способ вывода. И потому даю вам время на обдумывание ситуации и подготовку. Завтра перед допросом полковника Курносенко прошу мне доложить...

* * *

Вечером того же дня подполковник Бармалеев, захватив с собой майора Кологривского, решил навестить бойца саперного взвода своего батальона, теперь уже младшего сержанта Василия Кичогло. Новые погоны взял с собой. Что касается медали, то генерал их в тумбочке стола не держит, и потому придется подождать какое-то время, пока не пришлют из Министерства обороны.

– Ну, так что ты думаешь относительно вывода батальонов? – спросил комбат морской пехоты. – Есть предложения?

– Есть. Только сначала нужно с Василием Васильевичем-старшим поговорить.

– Ты же не любишь повторения пройденного.

– А кто про повторение говорит? Мы просто в другом месте высадимся. Это не будет повторением. Это будет новый виток операции. В первый раз прошло без сучка и задоринки, и во второй пройдет так же... По крайней мере, я надеюсь...

Подполковник ехал быстро. За управлением бронетранспортера Бармалеев чувствовал себя прекрасно – он был хозяином положения на дороге, в сравнении со своей «шестеркой», на которой он ездил дома и только и успевал увертываться от столкновения с наводнившими в последние годы дороги иномарками и внедорожниками производства западных стран и стран Юго-Восточной Азии. На БТР Бармалеев ехал уверенно, считая, что теперь пусть иномарки и внедорожники опасаются его транспортного средства. Но в Сирии, особенно в прифронтовой зоне, движение было несравнимо меньшим, нежели в России, а сами машины здесь выглядели старше даже его совсем не нового БТР-80. «Восьмидесятка» еще в Афгане воевала. Ее производство началось в уже далеком тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, когда он сам из детского дома только выпускался, и машина, многократно модернизированная, до сих пор служит в Российской армии, как раньше служила в Советской. А теперь вот сгодилась и в Сирии. Правда, в местах, где довелось воевать Бармалееву, не приходится использовать бронетранспортер как плавающее средство. Летом реки здесь попросту большей частью пересыхают. А лето в Сирии длится долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.